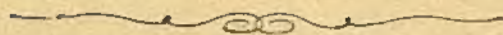
Н. И. Аммонъ.

КЪ ВОПРОСУ

О РАСПРЕДѢЛЕНІИ СТОЛОВЪ

МЕЖДУ РУССКИМИ КНЯЗЬЯМИ.

въ XI—XII вв.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1894.

Печатано подъ наблюденіемъ Члена-Соревнователя Н. И. Аммона.

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ".

По справедливому замѣчанію г. Сергѣевича (Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, изд. 1883, с. 319), названный вопросъ есть одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ нашей исторіи, и до настоящаго времени въ воззрѣніяхъ по данному предмету изслѣдователей древне-русскаго государственнаго права мы не находимъ единомыслія. Стройная теорія наслѣдованія столовъ по очереди родоваго старшинства, такъ называемаго „лѣствичнаго восхожденія", развитая Соловьевымъ, подвергается коренному отрицанію со стороны г. Сергѣевича, по мнѣнію котораго „напрасно мы будемъ искать одного общаго порядка преемства: преемство опредѣляется въ силу дѣйствія весьма разнообразныхъ началъ и силъ", причемъ такими началами являются и *народное избраніе*, и *право сильнаго*, выражающееся въ *завоеваніи*, захватѣ волостей, и *воля князя*, уже занимающаго извѣстную волость, выраженная имъ въ предсмертномъ *соглашеніи* съ народомъ и князьями или въ *завѣщаніи*, и, наконецъ, со времени татарскаго завоеванія, *личная воля хана*. При столкновеніяхъ князей мы однако встрѣчаемся со ссылками на родовое старшинство и на „вотчинное" право, какъ на руководящія начала при распредѣленіи столовъ (Лекціи и изслѣд., 323—24). Того же мнѣнія въ сущности держится г. Бестужевъ-Рюминъ (Русская Исторія, ч. I, 161—162): оспаривая въ извѣстной степени мнѣніе г. Сергѣевича о развитіи договорнаго начала въ древней Руси, онъ также высказывается въ томъ смыслѣ, что „одного движущаго начала (въ древне-русскомъ государственномъ бытѣ) не было, и что пестрота событій объясняется очень хорошо переплетающимся взаимодѣйствіемъ многихъ началъ."

Едва ли кто станетъ спорить противъ справедливости положенія о такомъ взаимодѣйствіи и противодѣйствіи многихъ началъ: дѣйствительно, всякія попытки односторонняго объясненія сложныхъ историческихъ явленій изъ одного принципа должны быть оставлены. Но, съ другой стороны, справедливо ли отрицать самый принципъ, хотя бы и нерѣдко нарушаемый и оттѣсняемый на задній планъ, какъ это дѣлаетъ г. Сергѣевичъ съ началомъ родоваго старшинства, утверждая, что, хотя на его долю и выпадала нѣкоторая роль при добываніи столовъ, и хотя иногда младшіе князья дѣйствительно дѣлали

уступки старшимъ, это во всякомъ случаѣ является въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дѣломъ личнаго взгляда, а не традиціоннаго обычая (ibid., 337—38)? Разсмотримъ вопросъ поближе.

Г. Сергѣевичъ отрицаетъ теорію лѣствичнаго восхожденія прежде всего на томъ основаніи, что извѣстное мѣсто Никоновскаго списка лѣтописи, въ которомъ мы находимъ самый спорный терминъ, не внушаетъ ему довѣрія: вопервыхъ, это свидѣтельство только одного списка и притомъ позднѣйшаго; вовторыхъ, риторическій стиль этого свидѣтельства выдаетъ его сочиненность, придуманность, тѣмъ болѣе, что составитель Никоновскаго списка, повидимому, не ограничиваясь скромною ролью безхитростнаго лѣтописца, счелъ нужнымъ внести въ свой трудъ личныя поясненія, не только передавая факты, но и истолковывая ихъ по своему, и именно къ такимъ истолкованіямъ, часто весьма сомнительнымъ, принадлежитъ и отвѣтъ, влагаемый этимъ умствующимъ лѣтописцемъ-политикомъ въ уста князю Ярославу Всеволодовичу на извѣстное требованіе Рюрика Ростиславича, отвѣтъ, заключающій въ себѣ слова: „якоже и отъ прадѣдъ нашихъ *лѣствицею* кождо *восхождаше* на великое княженіе Кіевское, сице же и намъ, и вамъ *лѣствичнымъ восхожденіемъ*, кому аще Господь Богъ дастъ взыти на великое княженіе великаго Кіева“.

Какъ извѣстно, тотъ же отвѣтъ Ярослава Рюрику изложенъ иначе и проще въ Ипатьевской лѣтописи, и это обстоятельство даетъ г. Сергѣевичу новую опору въ его отрицательномъ отношеніи къ тирадѣ Никоновскаго списка. Вопросъ о подлинности приведеннаго текста рѣшить очень трудно: за риторическою оболочкою позднѣйшаго, наноснаго слоя въ наиболѣе поздних лѣтописныхъ сводахъ нерѣдко скрываются драгоцѣнныя, какъ бы мимоходомъ оброненныя указанія, не вошедшія въ древнѣйшіе своды, и отрицать такія указанія только потому, что они принадлежатъ позднѣйшимъ редакціямъ лѣтописи и изукрашены цвѣтами риторики, довольно рискованно. Но во всякомъ случаѣ главный вопросъ заключается не въ томъ: его ставитъ самъ г. Сергѣевичъ, говоря: „но, можетъ быть, составитель лѣтописи хорошо придумалъ, и такой порядокъ существовалъ въ дѣйствительности?“ Въ самомъ дѣлѣ, были же какіе-нибудь факты въ исторіи XI—XII вв., которые могли навести позднѣйшаго политическаго мыслителя на теорію, хотя бы и ошибочную? Разборомъ этихъ фактовъ и надлежитъ заняться. По мнѣнію г. Сергѣевича, на поставленный имъ вопросъ приходится дать отрицательный отвѣтъ: по его словамъ, мы имѣемъ *ясное указаніе* на то, что порядка, описаннаго въ Никоновской лѣтописи, въ дѣйствительности не было. Какія же это указанія? Ссылка того же Рюрика

на завѣщаніе Ярослава, ссылка, вызвавшая со стороны Черниговскихъ Ольговичей приведенный выше отвѣтъ: Рюрикъ, какъ извѣстно, требуетъ, чтобы Ольговичи цѣловали крестъ на томъ, чтобы имъ не искать Кіева и Смоленска, *отчины* Рюрика и его братьи, ни подъ нимъ и его дѣтьми, ни подъ всѣмъ „*Володимеримъ племенемъ*": „како *насъ* раздѣлилъ дѣдъ нашъ Ярославъ по Днѣпръ, а Кіевъ вы не надобѣ" (Ипат. 1195). По мнѣнію г. Сергѣевича, это указаніе чрезвычайно важно: „изъ него видно, что князья понимали Ярославово завѣщаніе въ томъ смыслѣ, что Ярославъ, раздѣляя волости между сыновьями, вовсе не имѣлъ въ виду, чтобы пережившіе по старшинству занимали волость умершаго. Если бы такова была воля Ярослава, то, конечно, Ольговичи указали бы на это. Но они не дѣлаютъ такого указанія, хотя оно и могло бы быть для нихъ выгодно, а ссылаются на договоръ и начало добыванія" (ibid., 323). Слѣд., такое завѣщаніе Ярослава не выдумано Рюрикомъ, а дѣйствительно существовало.

Но вѣрно ли такое заключеніе? Думаемъ, что нѣтъ, и вотъ по какимъ соображеніямъ. Если точно понимать слова Рюрика, то выходитъ, будто Ярославъ учинилъ раздѣлъ по Днѣпръ именно въ томъ смыслѣ, чтобы правая, кіевская сторона навсегда сдѣлалась достояніемъ „Володимеря племени", т. е. Мономаховичей, а лѣвая—Ольговичей. Но вѣдь отецъ Мономаха, Всеволодъ Ярославичъ, по раздѣлу своего отца получилъ Переяславль, лежащій, какъ и Черниговъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, и затѣмъ послѣдовательно прошелъ подлежащія „лѣствичныя" ступени,—изъ Переяславля перешелъ въ Черниговъ, а оттуда въ Кіевъ; Владиміръ Мономахъ также княжилъ и въ Смоленскѣ, и въ Черниговѣ, и въ Переяславлѣ, и наконецъ попалъ въ Кіевъ не въ очередь, мимо Черниговскихъ Святославичей, по желанію самого кіевскаго населенія, а не по мнимому завѣщанію Ярослава: не Кіевъ, а Переяславль былъ признанъ его отчиною и на Любецкомъ съѣздѣ. Если понимать дѣло такъ, какъ понималъ или дѣлалъ видъ, что понимаетъ его, Рюрикъ въ 1195 г., то Кіевъ долженъ былъ бы принадлежать не Мономаховичамъ и не Ольговичамъ, а потомкамъ старшаго Ярославича, Изяслава, которые вмѣсто того попали въ разрядъ обдѣленныхъ изгоевъ. Можно предположить, что Рюрикъ, если не выдумалъ прямо въ интересахъ своего рода завѣщанія Ярослава въ указанномъ смыслѣ, то, по крайней мѣрѣ, перепуталъ факты: быть можетъ, онъ смутно припомнилъ раздѣлъ русской земли „по Днѣпръ" между Ярославомъ и его братомъ, Мстиславомъ, соединившимъ въ своихъ рукахъ Черниговъ и Тмутракань. Неизвѣстно, конечно, удержался ли бы этотъ раздѣлъ на будущія времена, если бы Мстиславъ

оставилъ потомство (единственный сынъ его, извѣстный по лѣтописи, Евстаѳій, умеръ раньше отца, въ 1033 г.); но Мстиславу не суждено было стать родоначальникомъ Черниговскихъ князей, и по его смерти Ярославъ „переялъ власть его". Очевидно, этотъ раздѣлъ не имѣетъ ничего общаго съ предсмертнымъ раздѣломъ земель Ярослава между его сыновьями. Основываясь на требованіи Рюрика, Ольговичи могли бы поймать его на словѣ и заявить со своей стороны притязаніе на вѣчное владѣніе Переяславскою землею, чего однако ни разу не приходило въ голову ни имъ, ни еще менѣе Мономаховичамъ, постоянно сидѣвшимъ въ этой землѣ.

Но, быть можетъ, Рюрикъ былъ неправъ только по вопросу о принадлежности Кіева роду Мономаха, тогда какъ основная мысль его о раздѣлѣ Ярославомъ русскихъ земель „по Днѣпръ" была справедлива? Однако образъ дѣйствій ближайшихъ потомковъ Ярослава, его сыновей и внуковъ, ясно показываетъ, что они отнюдь не понимали завѣщанія своего отца и дѣда въ смыслѣ раздѣла Руси на вѣчно наслѣдственныя волости, принадлежащія отдѣльнымъ линіямъ княжескаго рода: они переходятъ изъ одного города въ другой, хотя не всегда легко усмотрѣть правильную очередь въ этихъ переходахъ. Положимъ, переходъ Святослава изъ Чернигова въ Кіевъ на мѣсто изгнаннаго Изяслава, по справедливому замѣчанію г. Сергѣевича является не признаніемъ, а отрицаніемъ права старшинства и, какъ актъ насилія, незаконнаго въ глазахъ самого лѣтописца, не идетъ въ счетъ; но чѣмъ же объясняется переходъ Всеволода въ Кіевъ въ 1078 г., по смерти Изяслава, какъ не старшинствомъ этого князя, единственнаго оставшагося въ то время въ живыхъ представителя старшаго поколѣнія Ярославичей? По смерти Всеволода Владиміру Мономаху, повидимому, дѣйствительно хотѣлось занять престолъ своего отца, что, вѣроятно, согласовалось и съ желаніями самихъ кіевлянъ; однако, обдумавъ этотъ вопросъ, онъ уступаетъ Кіевъ Святополку, не желая „имѣть съ нимъ рать", что особенно и подчеркиваетъ г. Сергѣевичъ, не обращая должнаго вниманія на поводъ къ этой рати,—родовое старшинство Святополка, дававшее ему преимущественное передъ Мономахомъ право на обладаніе Кіевомъ: „яко столъ прежде отца его (Святополка) былъ". Г. Сергѣевичъ совершенно правъ, указывая, что на томъ же самомъ основаніи Мономахъ долженъ былъ бы уступить не только Кіевъ Святополку, но и Черниговъ Святославичамъ, Давиду и Олегу, чего онъ однако не сдѣлалъ, очевидно, не боясь съ ними рати, тѣмъ болѣе, что Олегъ находился тогда въ далекой Тмутракани. Изъ этого можемъ заключить, что одного сознанія права, основаннаго

на старшинствѣ, не всегда было достаточно для того, чтобы князья сообразовались съ этимъ правомъ, если на лицо не было другихъ побудительныхъ причинъ, но что самое сознаніе все-таки было, и право не игнорировалось и не отрицалось въ принципѣ.

То же сознаніе права старшинства мы неоднократно встрѣчаемъ и въ послѣдующія времена. Мономаховичи, желая вполнѣ устранить Ольговичей отъ Кіева, поддерживаютъ начало старшинства, ограничивая его предѣлами своего рода: по смерти старшаго Мономаховича, Мстислава, въ 1132 г., его мѣсто заступаетъ слѣдующій за нимъ братъ Ярополкъ, по смерти послѣдняго—Вячеславъ, впрочемъ, лишь затѣмъ, чтобы немедленно уступить мѣсто Всеволоду Ольговичу: Черниговскіе князья, очевидно, не стояли на точкѣ зрѣнія, выраженной въ 1195 г. Рюрикомъ Ростиславичемъ, и добивались Кіева. Всеволодъ Ольговичъ передаетъ еще при жизни преемство слѣдующему за нимъ брату Игорю, стараясь закрѣпить это назначеніе соглашеніемъ съ кіевлянами. Но уговоръ оказывается некрѣпокъ: слѣдуетъ новый захватъ Кіева Изяславомъ Мстиславичемъ. Этотъ князь, повидимому, является принципіальнымъ отрицателемъ права старшинства: онъ высказываетъ сентенцію, что „не мѣсто идетъ къ головѣ, а голова къ мѣсту"; онъ борется за Кіевъ съ роднымъ дядею, опираясь на народное призваніе. Однако, присматриваясь ближе, увидимъ, что и этотъ русскій политическій вольнодумецъ XII в., не всегда уважая старшинство на практикѣ, не отрицалъ его въ теоріи и бывалъ принужденъ считаться съ нимъ: такъ, поднимая оружіе противъ младшихъ Ольговичей, Игоря и Святослава, онъ признается, что старшаго ихъ брата Всеволода онъ имѣлъ вправду за брата старѣйшаго, „занеже ми братъ и зять старѣй мене яко отець"; сыну своего дяди-противника, Ростиславу Юрьевичу, онъ прямо говоритъ: „всѣхъ насъ старѣе отецъ твой, но съ нами не умѣетъ жить"; наконецъ, этотъ доблестный князь, любимецъ дружины и народа, склоняется передъ ничтожнымъ старикомъ Вячеславомъ, не находя инаго средства удержаться на великокняжескомъ престолѣ, какъ выставивъ противъ безспорнаго старшинства Юрія другое, еще болѣе безспорное, и Соловьевъ правъ, видя въ этой, конечно, формальной передачѣ власти въ руки Вячеслава могущественную силу обычая, основаннаго на понятіи о старшинствѣ. Возвращаясь еще разъ къ переговорамъ Рюрика Ростиславича съ Ольговичами въ 1195 г., какъ они переданы Ипатьевскою лѣтописью, замѣтимъ, что Ольговичи въ своемъ отвѣтѣ ссылаются не только на договоръ и начало добыванія, какъ говоритъ г. Сергѣевичъ, но и на свою принадлежность къ общерусскому княжескому роду, потомству

Ярослава: „мы не Угры и не Ляхи, но одного дѣда внуки". Именно эта принадлежность и даетъ имъ право доискиваться Кіева, какъ своей отчины, „добывать" его, и вполнѣ очевидно, что толкованіе, приданное Рюрикомъ раздѣлу Ярослава, не раздѣляется другими князьями, представляетъ собою его личное мнѣніе, болѣе сомнительное, чѣмъ теорія позднѣйшаго составителя Никоновскаго свода о лѣствичномъ восхожденіи.

Обращаясь къ отдѣльнымъ фактамъ, подтверждающимъ эту теорію, г. Сергѣевичъ опровергаетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: перемѣщеніе въ 1057 г. Игоря Ярославича изъ Владимира-Волынскаго въ Смоленскъ на мѣсто умершаго брата Вячеслава не является примѣромъ перевода младшаго брата на столъ старшаго, а наоборотъ, примѣромъ перевода старшаго брата на столъ младшаго, такъ какъ мы будто въ точности не знаемъ, кто именно изъ этихъ двухъ братьевъ былъ старше: годовъ рожденія ихъ лѣтопись не записала, но, судя по завѣщанію Ярослава, надо думать, что Игорь былъ старше Вячеслава, потому что поставленъ впереди его. Дѣйствительно, въ завѣщаніи Ярослава Вячеславъ упомянутъ послѣднимъ, причемъ Ипатьевскій списокъ и примыкающіе къ нему (Хлѣбниковскій и Погодинскій) совсѣмъ не упоминаютъ объ Игорѣ; тотъ же пропускъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ пополняется однороднымъ съ нимъ спискомъ Академическимъ (Троицкимъ), гдѣ имя Игоря („а Игорю Володимерь") вставлено предпослѣднимъ, *между* именами Всеволода и Вячеслава. Затѣмъ обѣ редакціи, и Лавр., и Ипат., перечисляя еще разъ Ярославичей, усѣвшихся по волостямъ по смерти отца, помѣщаютъ Вячеслава, сидящаго въ Смоленскѣ, послѣднимъ, Игоря, сидящаго во Владимирѣ,— предпослѣднимъ. Здѣсь, слѣдовательно, вѣроятность въ пользу предположенія г. Сергѣевича. Но невѣрно его утвержденіе, что лѣтописи молчатъ о времени рожденія этихъ князей: по Лавр. списку Вячеславъ родился въ 1036 г., по Ипат. въ 1034 (тоже по Татищеву); не обозначенъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ только годъ рожденія Игоря, которое Татищевъ на основаніи своихъ источниковъ относитъ къ 1036 г. (II, 106); отрицать это свидѣтельство нѣтъ основаній, и можно только предположить, что составители извѣстій, вошедшихъ въ Лавр. и Ипат. и однородные съ ними своды, не знали въ точности времени рожденія и порядка старшинства двухъ младшихъ Ярославичей, рано сошедшихъ со сцены и менѣе замѣчательныхъ сравнительно съ ихъ старшими братьями, чѣмъ, можетъ быть, объясняется и то, что, говоря о рожденіи Вячеслава, лѣтописи не прибавляютъ къ его имени цифры, какъ онѣ дѣлаютъ это, говоря о рожденіи старшихъ

дѣтей Ярослава („родися у Ярослава *другый* сынъ, и нарече имя ему Изяславъ"; „родися *3-й* сынъ Ярославу, и нарече имя ему Святославъ"; „родися Ярославу *4-й* сынъ, и нарече имя ему Всеволодъ"), причемъ самые годы рожденія (1020, 1024, 1027, 1030) показаны согласно въ Лавр. и Ипат. спискахъ, и только съ Вячеслава начинаетъ обнаруживаться нѣкоторая запутанность. Если, согласно съ Лавр. спискомъ, принять за время рожденія Вячеслава 1036 г., то нѣсколько сомнительнымъ можетъ представиться сравнительно долгій промежутокъ, отдѣляющій его рожденіе отъ рожденія предыдущаго брата (6 лѣтъ); но этотъ промежутокъ, во всякомъ случаѣ возможный, сокращается на два года по согласному показанію Ипат. списка и Татищева, и это совпаденіе придаетъ вѣроятіе и свидѣтельству Татищева о годѣ рожденія Игоря. Какъ бы то ни было, но фактъ перемѣщенія Игоря изъ Владимира въ Смоленскъ противорѣчитъ мнѣнію г. Сергѣевича о наслѣдственныхъ вотчинахъ по завѣщанію Ярослава, противорѣчитъ потому, что Вячеславъ умеръ не бездѣтнымъ: его сына Бориса мы встрѣчаемъ въ качествѣ изгоя въ Тмутракани, откуда онъ появляется въ 1078 г. вмѣстѣ съ Олегомъ Святославичемъ, чтобы пасть въ битвѣ на Нѣжатиной нивѣ. Едва ли нужно говорить о томъ, что перемѣщеніе старшаго брата на столъ младшаго представлялось бы фактомъ, весьма трудно объяснимымъ. Картина перемѣщенія, о которомъ мы говоримъ, дополняется извѣстіемъ Татищева, по которому на мѣсто Игоря, выведеннаго изъ Владимира-Волынскаго, былъ переведенъ племянникъ Ростиславъ Владимировичъ, до тѣхъ поръ сидѣвшій въ Ростовѣ, и соображенія, на основаніи которыхъ Соловьевъ (Ист. Росс., II, прим. 32) склоняется къ принятію этого извѣстія, заслуживаютъ полнаго вниманія. Но, если даже мы отвергнемъ это извѣстіе, и тогда всетаки на лицо остается фактъ, что Ростиславъ, сынъ старѣйшаго изъ Ярославичей, княжившаго и умершаго въ Новгородѣ, не наслѣдовалъ своему отцу и оказался въ положеніи обдѣленнаго, вынужденнаго силою оружія доискиваться отдаленной Тмутракани.

Другой примѣръ лѣствичнаго восхожденія, приводимый Соловьевымъ и оспариваемый г. Сергѣевичемъ, относится къ 1073 г.: когда „Святославъ Ярославичъ по изгнаніи брата (Изяслава) получилъ старшинство вмѣстѣ съ главнымъ столомъ Кіевскимъ, то слѣдующій по немъ братъ Всеволодъ, княжившій прежде въ Переяславлѣ, переходитъ на мѣсто Святослава въ Черниговъ". Этотъ переходъ былъ результатомъ незаконнаго изгнанія старшаго брата, почему г. Сергѣевичъ и говоритъ, что этотъ случай не относится къ порядку нормальнаго преемства. Но ненормальнымъ здѣсь является только прежде-

2

временный захватъ Кіева Святославомъ, раньше смерти Изяслава, переходъ же Всеволода ступенью ближе къ Кіеву вполнѣ естественно вытекаетъ изъ передвиженія Святослава на старшій столъ. По мнѣнію г. Сергѣевича, это не болѣе, какъ „доля участія Всеволода въ дѣлежѣ добычи, доставшейся младшимъ братьямъ послѣ изгнанія старшаго". Пусть такъ, хотя добычу собственно представлялъ только Кіевъ, а не Черниговъ; во всякомъ случаѣ ясно, что Святославъ не смотрѣлъ на Черниговъ, какъ на наслѣдственную отчину своего рода. По смерти Святослава, примирившись съ Изяславомъ и уступивши ему Кіевъ, Всеволодъ, теперь уже второй, а не третій братъ, садится въ Черниговѣ. Всѣ эти факты показываютъ, насколько чужда была тогдашнимъ князьямъ мысль о наслѣдственномъ обладаніи какою-либо одною землею. Что подобная мысль была чужда и самому Ярославу, на это мы имѣемъ указаніе въ словахъ, влагаемыхъ лѣтописцемъ въ уста этому князю, обращенныхъ къ его третьему сыну, Всеволоду: „аще ти подастъ Богъ пріяти власть стола моего, *по братьи твоей, съ правдою, а не съ насиліемъ*"... Соловьевъ справедливо замѣтилъ, что напрасно г. Сергѣевичъ думаетъ такъ легко отдѣлаться отъ этого текста на томъ основаніи, что онъ находится въ посмертной похвалѣ Всеволоду, написанной очень дружественною ему рукою, и потому будто бы „скорѣе надо думать, что оно (это мѣсто) сочинено самимъ лѣтописцемъ для оправданія совершившихся событій" (с. 345). Если даже эти слова дѣйствительно сочинены лѣтописцемъ, чего доказать мы не въ состояніи, все же приходится согласиться съ Соловьевымъ, что „его свидѣтельство нисколько не теряетъ своего значенія, ибо онъ (лѣтописецъ) могъ высказать только представленіе о правдѣ, какое господствовало въ современномъ ему обществѣ" (И. Р., II, 479).

Мы вполнѣ признаемъ, что правильность переходовъ не могла долго держаться и дѣйствительно начинаетъ нарушаться почти съ самаго начала, такъ что мы, читая лѣтопись, открываемъ только слѣды нормальнаго порядка преемства, не успѣвшаго твердо укорениться и постепенно разрушающагося подъ вліяніемъ другихъ началъ, указанныхъ г. Сергѣевичемъ,—договора, добыванія силою, вмѣшательства народнаго вѣча и т. д. Самое размноженіе княжескаго рода, требовавшее созданія все новыхъ и новыхъ ступеней на первоначальной „лѣствицѣ", должно было усиливать путаницу переходовъ, затрудняя распредѣленіе этихъ ступеней въ извѣстномъ порядкѣ. Но, что касается до трехъ высшихъ ступеней,—Кіева, Чернигова и Переяславля, то весьма знаменательно, что уже въ отрывкѣ Олегова договора съ Греками 907 г., равно какъ въ договорѣ Игоря 945 г., эти три города

стоятъ въ одномъ и томъ же порядкѣ, очевидно, сообразно со степенью ихъ значенія, торгово-промышленнаго и административнаго. Относительно другихъ городовъ мы не видимъ такой опредѣленности: не говоря о возникшемъ позднѣе Владимирѣ-Волынскомъ, даже Смоленскъ въ этихъ договорахъ не поименованъ, равно какъ Великій Новгородъ: оба только подразумѣваются подъ общимъ именемъ „прочихъ городовъ". За то въ текстѣ Олегова договора за Кіевомъ, Черниговомъ и Переяславлемъ слѣдуютъ Полоцкъ, Ростовъ и Любечъ, который въ XI в. уже не является во главѣ отдѣльной волости. Это сопоставленіе договоровъ X в. съ раздѣломъ земель между дѣтьми Ярослава во второй половинѣ XI в. показываетъ, что относительное значеніе земель, извѣстный ихъ распорядокъ установился не сразу, какъ и въ позднѣйшее время значеніе той или другой волости могло возрастать или падать. Обратимъ вниманіе на раздѣлы Руси, предшествующіе Ярославу: Святославъ сажаетъ одного сына въ Кіевѣ, на свое мѣсто, самъ намѣреваясь навсегда уйти на Дунай, другаго гдѣ-то въ Древлянской землѣ, поближе къ Кіеву (быть можетъ, въ Овручѣ, куда спасался бѣгствомъ разбитый Ярополкомъ Олегъ); въ Новгородъ онъ посылаетъ самаго младшаго и то лишь по настоятельному требованію новгородцевъ, подкрѣпленному угрозою „налѣзть себѣ князя". Но особенно любопытно размѣщеніе по городамъ сыновей Владимира, произведенное, по свидѣтельству лѣтописи, въ два пріема: въ Новгородъ Владимиръ, самъ выросшій въ этомъ городѣ и оттуда добывшій Кіевъ, посылаетъ уже не младшаго, а старѣйшаго сына, Вышеслава; втораго, Изяслава, сажаетъ въ Полоцкѣ, Святополка въ Туровѣ, Ярослава въ Ростовѣ; затѣмъ по смерти Вышеслава переводитъ на его мѣсто, *повидимому*, мимо двухъ слѣдующихъ братьевъ Ярослава изъ Ростова, назначая на его мѣсто одного изъ самыхъ младшихъ сыновей, Бориса, мимо трехъ промежуточныхъ, которыхъ въ то же время сажаетъ,—Всеволода во Владимирѣ-Волынскомъ, Святослава въ „Древлянахъ", Мстислава въ Тмутракани. Слѣдующій за Борисомъ Глѣбъ получаетъ Муромъ, причемъ Татищевъ и здѣсь дополняетъ извѣстныя намъ лѣтописи, сообщая, что до перевода Бориса въ Ростовъ онъ княжилъ въ Муромѣ, а Глѣбъ въ Суздалѣ, слѣд., передвинулся вмѣстѣ съ Борисомъ. Еще двухъ младшихъ сыновей Владимира, Станислава и Судислава, Іоакимовская лѣтопись, а также нѣкоторыя другія (Соф. Врем. I, 87; Никон. I, 93; Соф., 80) помѣщаютъ въ Смоленскъ и Псковъ; послѣднее подтверждается извѣстіемъ Лавр. и Ипат. списковъ о заключеніи Судислава Ярославомъ въ порубъ *въ Плесковѣ* въ 1036 г. (Ипат. 1034). Неизвѣстною остается только волость предпослѣдняго

изъ 12 сыновей Владимировыхъ, Позвизда. Какъ видимъ, эти волости далеко не соотвѣтствуютъ волостямъ Ярославичей не только по числу, но и по самому размѣщенію: Псковъ отдѣленъ отъ Новгорода, Суздаль отъ Ростова, Муромъ—отдѣльное княженіе, тогда какъ ни Черниговъ, ни Переяславль не являются во главѣ волостей*). Однако и здѣсь мы видимъ тѣже передвиженія князей, тоже отсутствіе понятія о наслѣдственномъ дѣленіи. Только два обстоятельства останавливаютъ на себѣ наше вниманіе: вопервыхъ, почему на мѣсто Ярослава въ Ростовъ назначенъ Борисъ, а не кто-либо другой изъ братьевъ, болѣе старшихъ, особенно почему не Всеволодъ, непосредственно слѣдующій за Ярославомъ по свидѣтельству лѣтописи? вовторыхъ, почему по смерти Вышеслава въ Новгородъ переведенъ Ярославъ помимо Изяслава и Святополка? Первое затрудненіе вѣроятнѣе всего объясняется тѣмъ предпочтеніемъ, какое вообще, по лѣтописи, Владимиръ оказывалъ Борису передъ прочими сыновьями, повидимому, даже желая передать ему по своей смерти Кіевъ помимо всѣхъ старшихъ братьевъ. Такое намѣреніе согласовалось и съ желаніемъ дружины, предлагавшей Борису занять Кіевъ въ 1015 г. и, что вѣрно замѣчено г. Сергѣевичемъ, не считавшей старшинства Святополка помѣхою для Бориса, такъ что заявленіе послѣдняго, что старшій братъ будетъ ему „въ отца мѣсто", пожалуй, можно было бы дѣйствительно считать выраженіемъ только личнаго взгляда Бориса (что и дѣлаетъ г. Сергѣевичь), если бы этому не препятствовали другія аналогичныя мѣста лѣтописи, прежде всего слова Ярославова завѣщанія, относящіяся къ старшему сыну. Если Борисъ былъ сыномъ Владимира (и притомъ первымъ) отъ Анны, какъ говорятъ Іоакимъ и Тверская Лѣтопись, то, по словамъ Соловьева, „для насъ уясняется то предпочтеніе, которое оказывалъ Владимиръ Борису, какъ сыну царевны и рожденному въ христіанскомъ супружествѣ, на которое онъ долженъ былъ смотрѣть, какъ на единственное законное". (И. Р., I, 192).—Что касается втораго вопроса, то Дитмаръ, разсказывающій намъ о замыслахъ Святополка противъ отца и о его заключеніи, объясняетъ намъ, почему Святополкъ былъ обойденъ Владимиромъ при назначеніи въ Новгородъ на мѣсто умершаго Вышеслава**) Но почему, спрашивается,

---

*) Относительно сыновей Владимира и ихъ волостей см. у Соловьева, Ист. Росс., I, 191—193 и прим. 281—290.

**) Въ Лавр. Святополкъ поставленъ *послѣ* Ярослава въ перечнѣ сыновей Владимира; въ Радзив., Акад., также Ипат. прежде. См. у Соловьева (I, 191) доводы въ пользу того, что Святополкъ былъ старше Ярослава (слова Бориса о „братѣ старѣйшемъ").

не былъ переведенъ туда Изяславъ изъ Полоцка? Къ сожалѣнію, мы не знаемъ навѣрное года смерти Вышеслава, тогда какъ Изяславъ, по лѣтописи, умеръ въ 1001 г.; если мы предположимъ, что Вышеславъ умеръ раньше его, является вопросъ, почему Изяславъ не занялъ его мѣста; если же, наоборотъ, Изяславъ умеръ прежде старшаго брата, неизвѣстно (какъ и въ случаѣ обратнаго предположенія), почему никто изъ братьевъ не былъ переведенъ на его мѣсто, въ Полоцкъ *). Благодаря преждевременной смерти Изяслава, его потомки попали въ разрядъ изгоевъ; но трудно указать причину, по которой онъ самъ не могъ бы подняться ступенью выше, или по которой на его мѣсто не могъ бы перейти никто другой. Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что Полоцкъ съ самаго начала обособляется отъ прочихъ русскихъ земель, является какимъ-то исключеніемъ, отчиною одной княжеской вѣтви: по смерти Изяслава въ немъ княжитъ его сынъ Брячиславъ. На это обстоятельство Соловьевъ не обратилъ должнаго вниманія, а оно любопытно, указывая намъ, что, по крайней мѣрѣ, въ эпоху Владимира переходы съ одного стола на другой, несомнѣнно совершавшіеся, не были однако явленіемъ, исключавшимъ всякій иной порядокъ наслѣдованія. Въ связи съ этимъ фактомъ пріобрѣтаетъ особый интересъ вопросъ объ истинномъ значеніи начала *отчины* въ междукняжескихъ отношеніяхъ XI—XII вв.,—вопросъ, котораго мы пока не касаемся въ виду его сложности.

Въ заключеніе нашей замѣтки не можемъ не повторить справедливаго упрека, высказаннаго по адресу г. Сергѣевича г. Бестужевымъ-Рюминымъ (Р. И., I, 161) и заключающагося въ томъ, что г. Сергѣевичъ излагаетъ предметъ не въ порядкѣ его историческаго развитія, а догматически, вслѣдствіе чего исчезаетъ различіе между формами отношеній въ различныя эпохи народной жизни. Подтвержденіемъ этого замѣчанія можетъ служить хотя бы то обстоятельство, что г. Сергѣевичъ не видитъ разницы между захватами волостей въ XI—XII вв. и позднѣйшими „примыслами“ московскихъ князей-собирателей. Пусть однако намъ укажутъ хотя одинъ примѣръ пріобрѣтенія территоріи путемъ покупки или полученія въ видѣ приданаго за женою въ до-татарскую эпоху: тогда только можно было бы при-

---

*) По своду Татищева Вышеславъ умеръ въ 1010 г., слѣд., послѣ Изяслава; если принять это извѣстіе, то первая половина вопроса отпадаетъ сама собою, но вторая сохраняетъ полную силу.

знать полное господство начала частной, личной собственности въ русскомъ государственномъ правѣ съ самаго начала исторической жизни русскаго народа.

Н. Аммонъ.

2007059119

Н. И. Аммонъ.

КЪ ВОПРОСУ

О РАСПРЕДѢЛЕНІИ СТОЛОВЪ

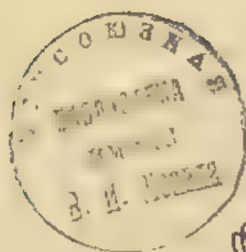
МЕЖДУ РУССКИМИ КНЯЗЬЯМИ

въ XI—XII вв.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1894.

Печатано подъ наблюденіемъ Члена-Соревнователя Н. И. Аммона.

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“.

По справедливому замѣчанію г. Сергѣевича (Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, изд. 1883, с. 319), названный вопросъ есть одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ нашей исторіи, и до настоящаго времени въ воззрѣніяхъ по данному предмету изслѣдователей древне-русскаго государственнаго права мы не находимъ единомыслія. Стройная теорія наслѣдованія столовъ по очереди родоваго старшинства, такъ называемаго „лѣствичнаго восхожденія", развитая Соловьевымъ, подвергается коренному отрицанію со стороны г. Сергѣевича, по мнѣнію котораго „напрасно мы будемъ искать одного общаго порядка преемства: преемство опредѣляется въ силу дѣйствія весьма разнообразныхъ началъ и силъ", причемъ такими началами являются и *народное избраніе*, и *право сильнаго*, выражающееся въ *завоеваніи*, захватѣ волостей, и *воля князя*, уже занимающаго извѣстную волость, выраженная имъ въ предсмертномъ *соглашеніи* съ народомъ и князьями или въ *завѣщаніи*, и, наконецъ, со времени татарскаго завоеванія, *личная воля хана*. При столкновеніяхъ князей мы однако встрѣчаемся со ссылками на родовое старшинство и на „вотчинное" право, какъ на руководящія начала при распредѣленіи столовъ (Лекціи и изслѣд., 323—24). Того же мнѣнія въ сущности держится г. Бестужевъ-Рюминъ (Русская Исторія, ч. I, 161—162): оспаривая въ извѣстной степени мнѣніе г. Сергѣевича о развитіи договорнаго начала въ древней Руси, онъ также высказывается въ томъ смыслѣ, что „одного движущаго начала (въ древне-русскомъ государственномъ бытѣ) не было, и что пестрота событій объясняется очень хорошо переплетающимся взаимодѣйствіемъ многихъ началъ."

Едва ли кто станетъ спорить противъ справедливости положенія о такомъ взаимодѣйствіи и противодѣйствіи многихъ началъ: дѣйствительно, всякія попытки односторонняго объясненія сложныхъ историческихъ явленій изъ одного принципа должны быть оставлены. Но, съ другой стороны, справедливо ли отрицать самый принципъ, хотя бы и нерѣдко нарушаемый и оттѣсняемый на заднiй планъ, какъ это дѣлаетъ г. Сергѣевичъ съ началомъ родоваго старшинства, утверждая, что, хотя на его долю и выпадала нѣкоторая роль при добываніи столовъ, и хотя иногда младшіе князья дѣйствительно дѣлали

уступки старшимъ, это во всякомъ случаѣ является въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дѣломъ личнаго взгляда, а не традиціоннаго обычая (ibid., 337—38)? Разсмотримъ вопросъ поближе.

Г. Сергѣевичъ отрицаетъ теорію лѣствичнаго восхожденія прежде всего на томъ основаніи, что извѣстное мѣсто Никоновскаго списка лѣтописи, въ которомъ мы находимъ самый спорный терминъ, не внушаетъ ему довѣрія: вопервыхъ, это свидѣтельство только одного списка и притомъ позднѣйшаго; вовторыхъ, риторическій стиль этого свидѣтельства выдаетъ его сочиненность, придуманность, тѣмъ болѣе, что составитель Никоновскаго списка, повидимому, не ограничиваясь скромною ролью безхитростнаго лѣтописца, счелъ нужнымъ внести въ свой трудъ личныя поясненія, не только передавая факты, но и истолковывая ихъ по своему, и именно къ такимъ истолкованіямъ, часто весьма сомнительнымъ, принадлежитъ и отвѣтъ, влагаемый этимъ умствующимъ лѣтописцемъ-политикомъ въ уста князю Ярославу Всеволодовичу на извѣстное требованіе Рюрика Ростиславича, отвѣтъ, заключающій въ себѣ слова: „якоже и отъ прадѣдъ нашихъ *лѣствицею* кождо *восхождаше* на великое княженіе Кіевское, сице же и намъ, и вамъ *лѣствичнымъ восхожденіемъ*, кому аще Господь Богъ дастъ взыти на великое княженіе великаго Кіева".

Какъ извѣстно, тотъ же отвѣтъ Ярослава Рюрику изложенъ иначе и проще въ Ипатьевской лѣтописи, и это обстоятельство даетъ г. Сергѣевичу новую опору въ его отрицательномъ отношеніи къ тирадѣ Никоновскаго списка. Вопросъ о подлинности приведеннаго текста рѣшить очень трудно: за риторическою оболочкою позднѣйшаго, наноснаго слоя въ наиболѣе позднихъ лѣтописныхъ сводахъ нерѣдко скрываются драгоцѣнныя, какъ бы мимоходомъ оброненныя указанія, не вошедшія въ древнѣйшіе своды, и отрицать такія указанія только потому, что они принадлежатъ позднѣйшимъ редакціямъ лѣтописи и изукрашены цвѣтами риторики, довольно рискованно. Но во всякомъ случаѣ главный вопросъ заключается не въ томъ: его ставитъ самъ г. Сергѣевичъ, говоря: „но, можетъ быть, составитель лѣтописи хорошо придумалъ, и такой порядокъ существовалъ въ дѣйствительности?" Въ самомъ дѣлѣ, были же какіе-нибудь факты въ исторіи XI—XII вв., которые могли навести позднѣйшаго политическаго мыслителя на теорію, хотя бы и ошибочную? Разборомъ этихъ фактовъ и надлежитъ заняться. По мнѣнію г. Сергѣевича, на поставленный имъ вопросъ приходится дать отрицательный отвѣтъ: по его словамъ, мы имѣемъ *ясное указаніе* на то, что порядка, описаннаго въ Никоновской лѣтописи, въ дѣйствительности не было. Какія же это указанія? Ссылка того же Рюрика

на завѣщаніе Ярослава, ссылка, вызвавшая со стороны Черниговскихъ Ольговичей приведенный выше отвѣтъ: Рюрикъ, какъ извѣстно, требуетъ, чтобы Ольговичи цѣловали крестъ на томъ, чтобы имъ не искать Кіева и Смоленска, *отчины* Рюрика и его братьи, ни подъ нимъ и его дѣтьми, ни подъ всѣмъ „*Володимеримъ племенемъ*“: „како *насъ* раздѣлилъ дѣдъ нашъ Ярославъ по Днѣпръ, а Кіевъ вы не надобѣ“ (Ипат. 1195). По мнѣнію г. Сергѣевича, это указаніе чрезвычайно важно: „изъ него видно, что князья понимали Ярославово завѣщаніе въ томъ смыслѣ, что Ярославъ, раздѣляя волости между сыновьями, вовсе не имѣлъ въ виду, чтобы пережившіе по старшинству занимали волость умершаго. Если бы такова была воля Ярослава, то, конечно, Ольговичи указали бы на это. Но они не дѣлаютъ такого указанія, хотя оно и могло бы быть для нихъ выгодно, а ссылаются на договоръ и начало добыванія“ (ibid., 323). Слѣд., такое завѣщаніе Ярослава не выдумано Рюрикомъ, а дѣйствительно существовало.

Но вѣрно ли такое заключеніе? Думаемъ, что нѣтъ, и вотъ по какимъ соображеніямъ. Если точно понимать слова Рюрика, то выходитъ, будто Ярославъ учинилъ раздѣлъ по Днѣпръ именно въ томъ смыслѣ, чтобы правая, кіевская сторона навсегда сдѣлалась достояніемъ „Володимеря племени“, т. е. Мономаховичей, а лѣвая—Ольговичей. Но вѣдь отецъ Мономаха, Всеволодъ Ярославичъ, по раздѣлу своего отца получилъ Переяславль, лежащій, какъ и Черниговъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, и затѣмъ послѣдовательно прошелъ подлежащія „лѣствичныя“ ступени,—изъ Переяславля перешелъ въ Черниговъ, а оттуда въ Кіевъ; Владимиръ Мономахъ также княжилъ и въ Смоленскѣ, и въ Черниговѣ, и въ Переяславлѣ, и наконецъ попалъ въ Кіевъ не въ очередь, мимо Черниговскихъ Святославичей, по желанію самого кіевскаго населенія, а не по мнимому завѣщанію Ярослава: не Кіевъ, а Переяславль былъ признанъ его отчиною и на Любецкомъ съѣздѣ. Если понимать дѣло такъ, какъ понималъ или дѣлалъ видъ, что понимаетъ его, Рюрикъ въ 1195 г., то Кіевъ долженъ былъ бы принадлежать не Мономаховичамъ и не Ольговичамъ, а потомкамъ старшаго Ярославича, Изяслава, которые вмѣсто того попали въ разрядъ обдѣленныхъ изгоевъ. Можно предположить, что Рюрикъ, если не выдумалъ прямо въ интересахъ своего рода завѣщанія Ярослава въ указанномъ смыслѣ, то, по крайней мѣрѣ, перепуталъ факты: быть можетъ, онъ смутно припомнилъ раздѣлъ русской земли „по Днѣпръ“ между Ярославомъ и его братомъ, Мстиславомъ, соединившимъ въ своихъ рукахъ Черниговъ и Тмутракань. Неизвѣстно, конечно, удержался ли бы этотъ раздѣлъ на будущія времена, если бы Мстиславъ

оставилъ потомство (единственный сынъ его, извѣстный по лѣтописи, Евстаѳій, умеръ раньше отца, въ 1033 г.); но Мстиславу не суждено было стать родоначальникомъ Черниговскихъ князей, и по его смерти Ярославъ „переялъ власть его“. Очевидно, этотъ раздѣлъ не имѣетъ ничего общаго съ предсмертнымъ раздѣломъ земель Ярослава между его сыновьями. Основываясь на требованіи Рюрика, Ольговичи могли бы поймать его на словѣ и заявить со своей стороны притязаніе на вѣчное владѣніе Переяславскою землею, чего однако ни разу не приходило въ голову ни имъ, ни еще менѣе Мономаховичамъ, постоянно сидѣвшимъ въ этой землѣ.

Но, быть можетъ, Рюрикъ былъ неправъ только по вопросу о принадлежности Кіева роду Мономаха, тогда какъ основная мысль его о раздѣлѣ Ярославомъ русскихъ земель „по Днѣпръ“ была справедлива? Однако образъ дѣйствій ближайшихъ потомковъ Ярослава, его сыновей и внуковъ, ясно показываетъ, что они отнюдь не понимали завѣщанія своего отца и дѣда въ смыслѣ раздѣла Руси на вѣчно наслѣдственныя волости, принадлежащія отдѣльнымъ линіямъ княжескаго рода: они переходятъ изъ одного города въ другой, хотя не всегда легко усмотрѣть правильную очередь въ этихъ переходахъ. Положимъ, переходъ Святослава изъ Чернигова въ Кіевъ на мѣсто изгнаннаго Изяслава, по справедливому замѣчанію г. Сергѣевича является не признаніемъ, а отрицаніемъ права старшинства и, какъ актъ насилія, незаконнаго въ глазахъ самого лѣтописца, не идетъ въ счетъ; но чѣмъ же объясняется переходъ Всеволода въ Кіевъ въ 1078 г., по смерти Изяслава, какъ не старшинствомъ этого князя, единственнаго оставшагося въ то время въ живыхъ представителя старшаго поколѣнія Ярославичей? По смерти Всеволода Владиміру Мономаху, повидимому, дѣйствительно хотѣлось занять престолъ своего отца, что, вѣроятно, согласовалось и съ желаніями самихъ кіевлянъ; однако, обдумавъ этотъ вопросъ, онъ уступаетъ Кіевъ Святополку, не желая „имѣть съ нимъ рать“, что особенно и подчеркиваетъ г. Сергѣевичъ, не обращая должнаго вниманія на поводъ къ этой рати,—родовое старшинство Святополка, дававшее ему преимущественное передъ Мономахомъ право на обладаніе Кіевомъ: „яко столъ прежде отца его (Святополка) былъ“. Г. Сергѣевичъ совершенно правъ, указывая, что на томъ же самомъ основаніи Мономахъ долженъ былъ бы уступить не только Кіевъ Святополку, но и Черниговъ Святославичамъ, Давиду и Олегу, чего онъ однако не сдѣлалъ, очевидно, не боясь съ ними рати, тѣмъ болѣе, что Олегъ находился тогда въ далекой Тмутракани. Изъ этого можемъ заключить, что одного сознанія права, основаннаго

на старшинствѣ, не всегда было достаточно для того, чтобы князья сообразовались съ этимъ правомъ, если на лицо не было другихъ побудительныхъ причинъ, но что самое сознаніе все-таки было, и право не игнорировалось и не отрицалось въ принципѣ.

То же сознаніе права старшинства мы неоднократно встрѣчаемъ и въ послѣдующія времена. Мономаховичи, желая вполнѣ устранить Ольговичей отъ Кіева, поддерживаютъ начало старшинства, ограничивая его предѣлами своего рода: по смерти старшаго Мономаховича, Мстислава, въ 1132 г., его мѣсто заступаетъ слѣдующій за нимъ братъ Ярополкъ, по смерти послѣдняго—Вячеславъ, впрочемъ, лишь затѣмъ, чтобы немедленно уступить мѣсто Всеволоду Ольговичу: Черниговскіе князья, очевидно, не стояли на точкѣ зрѣнія, выраженной въ 1195 г. Рюрикомъ Ростиславичемъ, и добивались Кіева. Всеволодъ Ольговичъ передаетъ еще при жизни преемство слѣдующему за нимъ брату Игорю, стараясь закрѣпить это назначеніе соглашеніемъ съ кіевлянами. Но уговоръ оказывается некрѣпокъ: слѣдуетъ новый захватъ Кіева Изяславомъ Мстиславичемъ. Этотъ князь, повидимому, является принципіальнымъ отрицателемъ права старшинства: онъ высказываетъ сентенцію, что „не мѣсто идетъ къ головѣ, а голова къ мѣсту"; онъ борется за Кіевъ съ роднымъ дядею, опираясь на народное призваніе. Однако, присматриваясь ближе, увидимъ, что и этотъ русскій политическій вольнодумецъ XII в., не всегда уважая старшинство на практикѣ, не отрицалъ его въ теоріи и бывалъ принужденъ считаться съ нимъ: такъ, поднимая оружіе противъ младшихъ Ольговичей, Игоря и Святослава, онъ признается, что старшаго ихъ брата Всеволода онъ имѣлъ вправду за брата старѣйшаго, „занеже ми братъ и зять старѣй мене яко отець"; сыну своего дяди-противника, Ростиславу Юрьевичу, онъ прямо говоритъ: „всѣхъ насъ старѣе отецъ твой, но съ нами не умѣетъ жить"; наконецъ, этотъ доблестный князь, любимецъ дружины и народа, склоняется передъ ничтожнымъ старикомъ Вячеславомъ, не находя инаго средства удержаться на великокняжескомъ престолѣ, какъ выставивъ противъ безспорнаго старшинства Юрія другое, еще болѣе безспорное, и Соловьевъ правъ, видя въ этой, конечно, формальной передачѣ власти въ руки Вячеслава могущественную силу обычая, основаннаго на понятіи о старшинствѣ. Возвращаясь еще разъ къ переговорамъ Рюрика Ростиславича съ Ольговичами въ 1195 г., какъ они переданы Ипатьевскою лѣтописью, замѣтимъ, что Ольговичи въ своемъ отвѣтѣ ссылаются не только на договоръ и начало добыванія, какъ говоритъ г. Сергѣевичъ, но и на свою принадлежность къ общерусскому княжескому роду, потомству

Ярослава: „мы не Угры и не Ляхи, по одного дѣда внуки". Именно эта принадлежность и даетъ имъ право доискиваться Кіева, какъ своей отчины, „добывать" его, и вполнѣ очевидно, что толкованіе, приданное Рюрикомъ раздѣлу Ярослава, не раздѣляется другими князьями, представляетъ собою его личное мнѣніе, болѣе сомнительное, чѣмъ теорія позднѣйшаго составителя Никоновскаго свода о лѣствичномъ восхожденіи.

Обращаясь къ отдѣльнымъ фактамъ, подтверждающимъ эту теорію, г. Сергѣевичъ опровергаетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: перемѣщеніе въ 1057 г. Игоря Ярославича изъ Владиміра - Волынскаго въ Смоленскъ на мѣсто умершаго брата Вячеслава не является примѣромъ перевода младшаго брата на столъ старшаго, а наоборотъ, примѣромъ перевода старшаго брата на столъ младшаго, такъ какъ мы будто въ точности не знаемъ, кто именно изъ этихъ двухъ братьевъ былъ старше: годовъ рожденія ихъ лѣтопись не записала, но, судя по завѣщанію Ярослава, надо думать, что Игорь былъ старше Вячеслава, потому что поставленъ впереди его. Дѣйствительно, въ завѣщаніи Ярослава Вячеславъ упомянутъ послѣднимъ, причемъ Ипатьевскій списокъ и примыкающіе къ нему (Хлѣбниковскій и Погодинскій) совсѣмъ не упоминаютъ объ Игорѣ; тотъ же пропускъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ пополняется однороднымъ съ нимъ спискомъ Академическимъ (Троицкимъ), гдѣ имя Игоря („а Игорю Володимерь") вставлено предпослѣднимъ, *между* именами Всеволода и Вячеслава. Затѣмъ обѣ редакціи, и Лавр., и Ипат., перечисляя еще разъ Ярославичей, усѣвшихся по волостямъ по смерти отца, помѣщаютъ Вячеслава, сидящаго въ Смоленскѣ, послѣднимъ, Игоря, сидящаго во Владимірѣ,— предпослѣднимъ. Здѣсь, слѣдовательно, вѣроятность въ пользу предположенія г. Сергѣевича. Но невѣрно его утвержденіе, что лѣтописи молчатъ о времени рожденія этихъ князей: по Лавр. списку Вячеславъ родился въ 1036 г., по Ипат. въ 1034 (тоже по Татищеву); не обозначенъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ только годъ рожденія Игоря, которое Татищевъ на основаніи своихъ источниковъ относитъ къ 1036 г. (II, 106); отрицать это свидѣтельство нѣтъ основаній, и можно только предположить, что составители извѣстій, вошедшихъ въ Лавр. и Ипат. и однородные съ ними своды, не знали въ точности времени рожденія и порядка старшинства двухъ младшихъ Ярославичей, рано сошедшихъ со сцены и менѣе замѣчательныхъ сравнительно съ ихъ старшими братьями, чѣмъ, можетъ быть, объясняется и то, что, говоря о рожденіи Вячеслава, лѣтописи не прибавляютъ къ его имени цифры, какъ онѣ дѣлаютъ это, говоря о рожденіи старшихъ

дѣтей Ярослава („родися у Ярослава *другый* сынъ, и нарече имя ему Изяславъ“; „родися *3-й* сынъ Ярославу, и нарече имя ему Святославъ“; „родися Ярославу *4-й* сынъ, и нарече имя ему Всеволодъ“), причемъ самые годы рожденія (1020, 1024, 1027, 1030) показаны согласно въ Лавр. и Ипат. спискахъ, и только съ Вячеслава начинаетъ обнаруживаться нѣкоторая запутанность. Если, согласно съ Лавр. спискомъ, принять за время рожденія Вячеслава 1036 г., то нѣсколько сомнительнымъ можетъ представиться сравнительно долгій промежутокъ, отдѣляющій его рожденіе отъ рожденія предыдущаго брата (6 лѣтъ); но этотъ промежутокъ, во всякомъ случаѣ возможный, сокращается на два года по согласному показанію Ипат. списка и Татищева, и это совпаденіе придаетъ вѣроятіе и свидѣтельству Татищева о годѣ рожденія Игоря. Какъ бы то ни было, но фактъ перемѣщенія Игоря изъ Владимира въ Смоленскъ противорѣчитъ мнѣнію г. Сергѣевича о наслѣдственныхъ вотчинахъ по завѣщанію Ярослава, противорѣчитъ потому, что Вячеславъ умеръ не бездѣтнымъ: его сына Бориса мы встрѣчаемъ въ качествѣ изгоя въ Тмутракани, откуда онъ появляется въ 1078 г. вмѣстѣ съ Олегомъ Святославичемъ, чтобы пасть въ битвѣ на Нѣжатиной нивѣ. Едва ли нужно говорить о томъ, что перемѣщеніе старшаго брата на столъ младшаго представлялось бы фактомъ, весьма трудно объяснимымъ. Картина перемѣщенія, о которомъ мы говоримъ, дополняется извѣстіемъ Татищева, по которому на мѣсто Игоря, выведеннаго изъ Владимира-Волынскаго, былъ переведенъ племянникъ Ростиславъ Владимировичъ, до тѣхъ поръ сидѣвшій въ Ростовѣ, и соображенія, на основаніи которыхъ Соловьевъ (Ист. Росс., II, прим. 32) склоняется къ принятію этого извѣстія, заслуживаютъ полнаго вниманія. Но, если даже мы отвергнемъ это извѣстіе, и тогда всетаки на лицо остается фактъ, что Ростиславъ, сынъ старѣйшаго изъ Ярославичей, княжившаго и умершаго въ Новгородѣ, не наслѣдовалъ своему отцу и оказался въ положеніи обдѣленнаго, вынужденнаго силою оружія доискиваться отдаленной Тмутракани.

Другой примѣръ лѣствичнаго восхожденія, приводимый Соловьевымъ и оспариваемый г. Сергѣевичемъ, относится къ 1073 г.: когда „Святославъ Ярославичъ по изгнаніи брата (Изяслава) получилъ старшинство вмѣстѣ съ главнымъ столомъ Кіевскимъ, то слѣдующій по немъ братъ Всеволодъ, княжившій прежде въ Переяславлѣ, переходитъ на мѣсто Святослава въ Черниговъ“. Этотъ переходъ былъ результатомъ незаконнаго изгнанія старшаго брата, почему г. Сергѣевичъ и говоритъ, что этотъ случай не относится къ порядку нормальнаго преемства. Но ненормальнымъ здѣсь является только преждe-

временный захватъ Кіева Святославомъ, раньше смерти Изяслава, переходъ же Всеволода ступенью ближе къ Кіеву вполнѣ естественно вытекаетъ изъ передвиженія Святослава на старшій столъ. По мнѣнію г. Сергѣевича, это не болѣе, какъ „доля участія Всеволода въ дѣлежѣ добычи, доставшейся младшимъ братьямъ послѣ изгнанія старшаго". Пусть такъ, хотя добычу собственно представлялъ только Кіевъ, а не Черниговъ; во всякомъ случаѣ ясно, что Святославъ не смотрѣлъ на Черниговъ, какъ на наслѣдственную отчину своего рода. По смерти Святослава, примирившись съ Изяславомъ и уступивши ему Кіевъ, Всеволодъ, теперь уже второй, а не третій братъ, садится въ Черниговѣ. Всѣ эти факты показываютъ, насколько чужда была тогдашнимъ князьямъ мысль о наслѣдственномъ обладаніи какою-либо одною землею. Что подобная мысль была чужда и самому Ярославу, на это мы имѣемъ указаніе въ словахъ, влагаемыхъ лѣтописцемъ въ уста этому князю, обращенныхъ къ его третьему сыну, Всеволоду: „аще ти подастъ Богъ пріяти власть стола моего, *по братьи твоей, съ правдою, а не съ насиліемъ*"... Соловьевъ справедливо замѣтилъ, что напрасно г. Сергѣевичъ думаетъ такъ легко отдѣлаться отъ этого текста на томъ основаніи, что онъ находится въ посмертной похвалѣ Всеволоду, написанной очень дружественною ему рукою, и потому будто бы „скорѣе надо думать, что оно (это мѣсто) сочинено самимъ лѣтописцемъ для оправданія совершившихся событій" (с. 345). Если даже эти слова дѣйствительно сочинены лѣтописцемъ, чего доказать мы не въ состояніи, все же приходится согласиться съ Соловьевымъ, что „его свидѣтельство нисколько не теряетъ своего значенія, ибо онъ (лѣтописецъ) могъ высказать только представленіе о правдѣ, какое господствовало въ современномъ ему обществѣ" (И. Р., II, 479).

Мы вполнѣ признаемъ, что правильность переходовъ не могла долго держаться и дѣйствительно начинаетъ нарушаться почти съ самаго начала, такъ что мы, читая лѣтопись, открываемъ только слѣды нормальнаго порядка преемства, не успѣвшаго твердо укорениться и постепенно разрушающагося подъ вліяніемъ другихъ началъ, указанныхъ г. Сергѣевичемъ,—договора, добыванія силою, вмѣшательства народнаго вѣча и т. д. Самое размноженіе княжескаго рода, требовавшее созданія все новыхъ и новыхъ ступеней на первоначальной „лѣствицѣ", должно было усиливать путаницу переходовъ, затрудняя распредѣленіе этихъ ступеней въ извѣстномъ порядкѣ. Но, что касается до трехъ высшихъ ступеней,—Кіева, Чернигова и Переяславля, то весьма знаменательно, что уже въ отрывкѣ Олегова договора съ Греками 907 г., равно какъ въ договорѣ Игоря 945 г., эти три города

стоятъ въ одномъ и томъ же порядкѣ, очевидно, сообразно со степенью ихъ значенія, торгово-промышленнаго и административнаго. Относительно другихъ городовъ мы не видимъ такой опредѣленности: не говоря о возникшемъ позднѣе Владимірѣ-Волынскомъ, даже Смоленскъ въ этихъ договорахъ не поименованъ, равно какъ Великій Новгородъ: оба только подразумѣваются подъ общимъ именемъ „прочихъ городовъ". За то въ текстѣ Олегова договора за Кіевомъ, Черниговомъ и Переяславлемъ слѣдуютъ Полоцкъ, Ростовъ и Любечъ, который въ XI в. уже не является во главѣ отдѣльной волости. Это сопоставленіе договоровъ X в. съ раздѣломъ земель между дѣтьми Ярослава во второй половинѣ XI в. показываетъ, что относительное значеніе земель, извѣстный ихъ распорядокъ установился не сразу, какъ и въ позднѣйшее время значеніе той или другой волости могло возрастать или падать. Обратимъ вниманіе на раздѣлы Руси, предшествующіе Ярославу: Святославъ сажаетъ одного сына въ Кіевѣ, на свое мѣсто, самъ намѣреваясь навсегда уйти на Дунай, другаго гдѣ-то въ Древлянской землѣ, поближе къ Кіеву (быть можетъ, въ Овручѣ, куда спасался бѣгствомъ разбитый Ярополкомъ Олегъ); въ Новгородъ онъ посылаетъ самаго младшаго и то лишь по настоятельному требованію новгородцевъ, подкрѣпленному угрозою „налѣзть себѣ князя". Но особенно любопытно размѣщеніе по городамъ сыновей Владиміра, произведенное, по свидѣтельству лѣтописи, въ два пріема: въ Новгородъ Владиміръ, самъ выросшій въ этомъ городѣ и оттуда добывшій Кіевъ, посылаетъ уже не младшаго, а старѣйшаго сына, Вышеслава; втораго, Изяслава, сажаетъ въ Полоцкѣ, Святополка въ Туровѣ, Ярослава въ Ростовѣ; затѣмъ по смерти Вышеслава переводитъ на его мѣсто, *повидимому*, мимо двухъ слѣдующихъ братьевъ Ярослава изъ Ростова, назначая на его мѣсто одного изъ самыхъ младшихъ сыновей, Бориса, мимо трехъ промежуточныхъ, которыхъ въ то же время сажаетъ,—Всеволода во Владимірѣ-Волынскомъ, Святослава въ „Древлянахъ", Мстислава въ Тмутракани. Слѣдующій за Борисомъ Глѣбъ получаетъ Муромъ, причемъ Татищевъ и здѣсь дополняетъ извѣстныя намъ лѣтописи, сообщая, что до перевода Бориса въ Ростовъ онъ княжилъ въ Муромѣ, а Глѣбъ въ Суздалѣ, слѣд., передвинулся вмѣстѣ съ Борисомъ. Еще двухъ младшихъ сыновей Владиміра, Станислава и Судислава, Іоакимовская лѣтопись, а также нѣкоторыя другія (Соф. Врем. I, 87; Никон. I, 93; Соф., 80) помѣщаютъ въ Смоленскъ и Псковъ; послѣднее подтверждается извѣстіемъ Лавр. и Ипат. списковъ о заключеніи Судислава Ярославомъ въ порубъ *въ Плесковѣ* въ 1036 г. (Ипат. 1034). Неизвѣстною остается только волость предпослѣдняго

изъ 12 сыновей Владимировыхъ, Позвизда. Какъ видимъ, эти волости далеко не соотвѣтствуютъ волостямъ Ярославичей не только по числу, но и по самому размѣщенію: Псковъ отдѣленъ отъ Новгорода, Суздаль отъ Ростова, Муромъ—отдѣльное княженіе, тогда какъ ни Черниговъ, ни Переяславль не являются во главѣ волостей*). Однако и здѣсь мы видимъ тѣже передвиженія князей, тоже отсутствіе понятія о наслѣдственномъ дѣленіи. Только два обстоятельства останавливаютъ на себѣ наше вниманіе: вопервыхъ, почему на мѣсто Ярослава въ Ростовъ назначенъ Борисъ, а не кто-либо другой изъ братьевъ, болѣе старшихъ, особенно почему не Всеволодъ, непосредственно слѣдующій за Ярославомъ по свидѣтельству лѣтописи? вовторыхъ, почему по смерти Вышеслава въ Новгородъ переведенъ Ярославъ помимо Изяслава и Святополка? Первое затрудненіе вѣроятнѣе всего объясняется тѣмъ предпочтеніемъ, какое вообще, по лѣтописи, Владиміръ оказывалъ Борису передъ прочими сыновьями, повидимому, даже желая передать ему по своей смерти Кіевъ помимо всѣхъ старшихъ братьевъ. Такое намѣреніе согласовалось и съ желаніемъ дружины, предлагавшей Борису занять Кіевъ въ 1015 г. и, что вѣрно замѣчено г. Сергѣевичемъ, не считавшей старшинства Святополка помѣхою для Бориса, такъ что заявленіе послѣдняго, что старшій братъ будетъ ему „въ отца мѣсто", пожалуй, можно было бы дѣйствительно считать выраженіемъ только личнаго взгляда Бориса (что и дѣлаетъ г. Сергѣевичъ), если бы этому не препятствовали другія аналогичныя мѣста лѣтописи, прежде всего слова Ярославова завѣщанія, относящіяся къ старшему сыну. Если Борисъ былъ сыномъ Владиміра (и притомъ первымъ) отъ Анны, какъ говорятъ Іоакимъ и Тверская Лѣтопись, то, по словамъ Соловьева, „для насъ уясняется то предпочтеніе, которое оказывалъ Владиміръ Борису, какъ сыну царевны и рожденному въ христіанскомъ супружествѣ, на которое онъ долженъ былъ смотрѣть, какъ на единственное законное". (И. Р., I, 192).—Что касается втораго вопроса, то Дитмаръ, разсказывающій намъ о замыслахъ Святополка противъ отца и о его заключеніи, объясняетъ намъ, почему Святополкъ былъ обойденъ Владиміромъ при назначеніи въ Новгородъ на мѣсто умершаго Вышеслава**) Но почему, спрашивается,

---

*) Относительно сыновей Владиміра и ихъ волостей см. у Соловьева, Ист. Росс., I, 191—193 и прим. 281—290.

**) Въ Лавр. Святополкъ поставленъ *послѣ* Ярослава въ перечнѣ сыновей Владиміра; въ Радзив., Акад., также Ипат. прежде. См. у Соловьева (I, 191) доводы въ пользу того, что Святополкъ былъ старше Ярослава (слова Бориса о „братѣ старѣйшемъ").

не былъ переведенъ туда Изяславъ изъ Полоцка? Къ сожалѣнію, мы не знаемъ навѣрное года смерти Вышеслава, тогда какъ Изяславъ, по лѣтописи, умеръ въ 1001 г.; если мы предположимъ, что Вышеславъ умеръ раньше его, является вопросъ, почему Изяславъ не занялъ его мѣста; если же, наоборотъ, Изяславъ умеръ прежде старшаго брата, неизвѣстно (какъ и въ случаѣ обратнаго предположенія), почему никто изъ братьевъ не былъ переведенъ на его мѣсто, въ Полоцкъ *). Благодаря преждевременной смерти Изяслава, его потомки попали въ разрядъ изгоевъ; но трудно указать причину, по которой онъ самъ не могъ бы подняться ступенью выше, или по которой на его мѣсто не могъ бы перейти никто другой. Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что Полоцкъ съ самаго начала обособляется отъ прочихъ русскихъ земель, является какимъ-то исключеніемъ, отчиною одной княжеской вѣтви: по смерти Изяслава въ немъ княжитъ его сынъ Брячиславъ. На это обстоятельство Соловьевъ не обратилъ должнаго вниманія, а оно любопытно, указывая намъ, что, по крайней мѣрѣ, въ эпоху Владимира переходы съ одного стола на другой, несомнѣнно совершавшіеся, не были однако явленіемъ, исключавшимъ всякій иной порядокъ наслѣдованія. Въ связи съ этимъ фактомъ пріобрѣтаетъ особый интересъ вопросъ объ истинномъ значеніи начала *отчины* въ междукняжескихъ отношеніяхъ XI—XII вв.,—вопросъ, котораго мы пока не касаемся въ виду его сложности.

Въ заключеніе нашей замѣтки не можемъ не повторить справедливаго упрека, высказаннаго по адресу г. Сергѣевича г. Бестужевымъ-Рюминымъ (Р. И., I, 161) и заключающагося въ томъ, что г. Сергѣевичъ излагаетъ предметъ не въ порядкѣ его историческаго развитія, а догматически, вслѣдствіе чего исчезаетъ различіе между формами отношеній въ различныя эпохи народной жизни. Подтвержденіемъ этого замѣчанія можетъ служить хотя бы то обстоятельство, что г. Сергѣевичъ не видитъ разницы между захватами волостей въ XI—XII вв. и позднѣйшими „примыслами“ московскихъ князей-собирателей. Пусть однако намъ укажутъ хотя одинъ примѣръ пріобрѣтенія территоріи путемъ покупки или полученія въ видѣ приданаго за женою въ до-татарскую эпоху: тогда только можно было бы при-

*) По своду Татищева Вышеславъ умеръ въ 1010 г., слѣд., послѣ Изяслава; если принять это извѣстіе, то первая половина вопроса отпадаетъ сама собою, но вторая сохраняетъ полную силу.

знать полное господство начала частной, личной собственности въ русскомъ государственномъ правѣ съ самаго начала исторической жизни русскаго народа.

Н. Аммонъ.

2007059119